

Научная статья
УДК 398.22
DOI 10.18101/2686-7095-2021-2-71-76

**ПРОНИКНОВЕНИЕ БУДДИЙСКОГО ЭЛЕМЕНТА
В ЗАПАДНОБУРЯТСКУЮ ЭПИЧЕСКУЮ ТРАДИЦИЮ**

© Эржена Баировна Аюшеева

кандидат филологических наук, младший научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
erzhena1406@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об особенностях распространения буддийской религии среди бурят и ее влиянии на эпическое творчество западных и восточных этнических групп. Характеризуется деятельность тибетских буддистов по пропаганде учения как основа его широкого распространения среди монгольских кочевников в XVII–XVIII вв. Делается вывод, что улигеры западнобурятской традиции транслируют представления «народного» буддизма, представляющего собой самые элементарные сведения об этой религии.

Ключевые слова: буддизм, эпос, мотивы, западнобурятская эпическая традиция, персонаж

Для цитирования

Аюшеева Э. Б. Проникновение буддийского элемента в западнобурятскую эпическую традицию // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2021. Вып. 2. С. 71–76.

Религиозные представления монгольских народов, в частности бурят, в добуддийский период представлены шаманизмом. При этом шаманизм порой рассматривается не просто как одна из форм религии, но и как система мировоззрения, миропонимания и мироотношения, которая не могла не отразиться в эпосе монгольских народов. Б. Я. Владимирцов, например, выделяет в особую группу монгольские эпические произведения, пропитанные тэнгристским духом и сохраняющие черты добуддийской общемонгольской мифологии [3, с. 41].

Буддизм, являвшийся важным религиозно-идеологическим и культурным фактором на территории Центральной Азии, наложил заметный отпечаток на многие стороны духовной и культурной жизни монгольских народов. Поэтому вполне объяснимо отражение в эпическом творчестве бурят воздействия индо-тибетской буддийской культуры. В бурятских эпических произведениях довольно отчетливо прослеживаются элементы буддийского влияния, привнесенные в ткань эпоса как в ранний, так и в сравнительно поздний период распространения буддизма на территории монгольского пространства.

Широкое распространение буддизма и его признание монгольской аристократией в качестве государственной религии способствовали распространению буддийской культуры среди простых кочевников, а затем и проникновению основных его положений в устное народное творчество и, соответственно, в монгольскую и бурятскую эпическую традицию. Если в произведениях XIII в. в основном восхваляли Чингисхана и его сподвижников, то для произведений XIV в. наиболее характерна буддийская тематика. С этого времени, как известно, монголами активно переводились молитвенные книги. В Турфанской коллекции встречается большое количество таких книг на монгольском языке [10, с. 92–93]. Влияние буддизма на монгольскую культурную жизнь очевидно.

Необходимо обратить внимание на то, что влияние буддизма на мифологическое мировоззрение монголов происходило в два этапа, или две волны. Так называемая уйгурская волна, период которой предположительно датируется XIII–XIV вв., считается временем раннего знакомства монголов с буддизмом. Монгольским племенам на заре их истории пришлось столкнуться с уйгурами, народом, им родственным этнически, тюркского происхождения, жившим в условиях как оседлой, так и кочевой жизни. Среди уйгуров тогда уже были распространены христианство, ислам и буддизм, который особенно был силен в восточной части областей, занятых уйгурами, значит, ближайших к монголам. От них монголы и позаимствовали свои первые понятия о буддизме, который не распространился тогда широко среди монгольского народа, переживавшего период необычайного национального подъема и образования могучей империи. Следует отметить, что буддизм был принят только монгольской аристократией, главным образом той, которой пришлось жить в городах Китая и Южной Монголии. Масса же монгольская осталась чуждой этому религиозному течению [4, с. 15–17].

Официальное принятие буддизма в Монголии запустило процесс диффузии, постепенного включения и проникновения буддийских культов в культовую систему шаманизма. В конце XVI в. правитель одного из княжеств Северной Монголии Алтан-хан объявил буддизм государственной религией. Это произошло в 1576 г. на съезде в присутствии иерарха школы гелукпа Сонома Гьяцо, которому был присвоен титул далай-ламы. Территория Бурятии в это время была в подчинении у правителей Северной Монголии, поэтому буряты-кочевники в это время уже были знакомы с буддизмом [2]. Придание буддизму статуса государственной религии, конечно, еще более усилило его влияние на территории современных Монголии и Бурятии.

Тибетская волна считается периодом широкого распространения буддизма. К этому времени многие ранние индо-тибетские образы и сюжеты были уже адаптированы в мифологических представлениях монгольских народов. После падения монгольской династии в Китае монголы были вынуждены вернуться в степь, т. е. к практически первоначальному уровню развития, из которого их вывели в XIII в. исторические обстоятельства и завоевания Чингис-хана. В XVI в. вместе с укреплением некоторых монгольских ханств начинается и общее возрождение монгольской жизни. В этот период монголам пришлось столкнуться с Тибетом, познакомиться с буддизмом в форме секты «желтошапочников», которая к этому времени стала господствующей в Тибете.

Энергичная деятельность тибетских буддистов по пропаганде учения среди монгольских кочевников стала основой его широкого распространения среди

почти всех монгольских племен. В XVII в. монголо-ойратское племя хошуты завоевывает Тибет и передает светскую власть над центральным Тибетом Далай-ламе, считавшемуся духовным лидером секты Гелукпа.

Огромное значение в распространении буддизма сыграли буддийские монастыри, которые являлись средоточием религиозной жизни в Тибете и Монголии. В этих странах среди редкого кочевого населения они стали центром не только религиозной, но и вообще культуры [4, с. 25]. Каждый человек неизбежно был связан со своим монастырем. Результатом такого взаимоотношения стало включение простыми кочевниками отрывков буддийских трактатов и описаний в уже существующие устные произведения монголов.

Реалии буддийского вероучения постепенно появляются в повседневной жизни бурят. Особенно это было заметно у восточных бурят, в отличие от западных, среди которых буддизму не сразу удалось найти сторонников и последователей. В Забайкалье буддизм утвердился в начале XVIII в. и стал влиятельным политическим и культурно-идеологическим фактором. Тогда как во всей Западной Бурятии и лишь в части Забайкалья распространилось православие, которое имело статус государственной религии и потому занимало активную позицию [7]. Это и явилось одной из причин разделения бурят на восточных и западных.

Одной из ярких черт западнобурятских улигеров является обилие заимствованных русских слов («шумдаан» — чемодан, «алаабхи» — лавка, «хоримииса» — карниз, «хаһаг» — казак, «хадуушха» — подушка и многие другие). Также встречаются развернутые описания дворцов эпических героев, во многом отражающие архитектуру православных церквей:

Тэбхэр сагаан байсан гээшэ
Бодхожол үгэбэ. <...>
Дээдэ ханай биеэрэн
Шагаабари гаргаба <...>
Тэрэ ехэ шагаабартаа
Үлгүүр мүнгэн шэжэмтэй,
Шэжэм бэрээ ураатай.
Ураахани бэрэлэ
Шаньянуури зүүжэ лэ
Зэдэлгүүлэн байба ла.

Квадратный белый дворец
Построили ему. <...>
На верхних его этажах
Окна прорубили <...>
На множестве этих окон
Висячий серебряный механизм,
На механизмах — кресты.
На каждом кресте
Висит колокол,
Который звонко звонит [1, с. 44].

Подобные формульные описания эпических дворцов встречаются в эхирит-булагатской Гэсэриаде и в других улигерах этой эпической традиции¹ [1], что отражает реальные исторические и социально-бытовые условия, в рамках которых развивалось устное эпическое творчество западных бурят. В унгинских ва-

¹ Хүхэрдэй Мэргэн: записано С. П. Балдаевым от Б. Болдонова в январе 1941 г. в у. Баян-газа Ольхонского булука Эхирит-Булагатского аймака, Иркутская область, январь 1941 // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. № 266, 58 л. (рукопись); Хүйлэн хүхэ морьтой Хүхэлдэй Мэргэн хубуун: записано С. П. Балдаевым в феврале 1930 г. от Михаила Петровича Балдаева в улусе Хохорск Готольского булука Боханского аймака БМАССР // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. № 301. 42 л. (рукопись).

риантах Гэсэриады подобные вкрапления встречаются, но намного реже. В целом подобные элементы, вливаясь в повествовательную канву бурятских улигеров, в частности, в тексты разных версий Гэсэриады, по-своему обогащают образно-мотивный фонд эпических произведений и могут стать объектами изучения в этнографическом плане.

Что касается восточнобурятской эпической традиции, то здесь отмечается значительное влияние буддизма. В Забайкалье благодаря буддизму были занесены старомонгольская и тибетская письменности, распространились индо-тибетские и монгольские культурные традиции, росло число дацанов. Ламаизация восточных бурят, по словам А. И. Уланова, стала одной из причин угасания фольклорной эпической традиции, эпос оказался на стадии перехода в сказочные рассказы [8, с. 162]. Записанные у агинских бурят тексты имеют много общего с монгольскими версиями, и главное отличие — они бытуют в прозаической форме и исполняются речитативом. Именно у восточных бурят были записаны все письменные версии бурятской Гэсэриады и ни одного текста у западных [9, с. 86].

В конце XIX в. началось активное проникновение буддизма в западную Бурятию, где он встретил некоторое сопротивление со стороны шаманов и поддерживаемого царской администрацией православного духовенства, не желавших дальнейшего расширения сферы влияния буддизма.

Позднее проникновение буддизма в районы западной Бурятии стало одним из факторов сохранения добуддийской основы улигеров. Кроме того, живая традиция исполнения улигеров диктовала устойчивость бытования сказаний, где традиционность имела определяющее значение. Тем не менее в эпическом тексте под влиянием меняющейся действительности появлялись буддийские напластования.

Принципы народного буддизма, религиозные буддийские представления, распространенные среди мирян и включающие помимо канонических воззрений добуддийские местные верования, а также упрощенное изложение принципов буддизма, отражены в работе О. М. Ковалевского «Буддийская космология», изданной в 1897 г. [6]. Книга основывается на сочинении Гууши Чорджи «Чихула хэрэглэгчи тэгус удхату шастир» («Шастра, заключающая в себе все действительно необходимое», XVI в.), и на сегодняшний день это единственный компендиум сведений по монгольскому народному буддизму. В эпосе отражена буддийская картина мира именно в народном понимании. Она основывается не на буддийских философских трактатах, а на народных представлениях. Проводниками буддийских понятий в эпические произведения являлись сказители, носители устной эпической традиции. Именно они играли главную роль в проникновении, а затем и адаптации заимствованного элемента, будь то предмет, не известный ранее в традиционной культуре, или персонаж. Думается, что в бурятской эпической традиции наиболее полно отразилась буддийская картина мира в народном понимании.

Причина популярности широкого распространения буддизма в том, что его лояльные культовые практики органично вписывались в местную систему сложившейся религиозной картины, при этом не исключая исконные догматы, а дополняя их, привнося в них новое, не создавая конфликта [5, с. 24]. В мифологии-

ческом пантеоне духов появились новые персонажи с сопутствующей буддийской легендой.

В эпической традиции буддийские элементы вплетались в общую канву произведений, частично вытесняя при этом исконные представления и шаманских персонажей, на протяжении долгого времени являвшихся основными фигурами мифо-религиозного мировоззрения монгольских народов. Постепенно, с течением времени занимая ключевые позиции в повествовании эпоса, они вставали в один ряд с верховными божествами исконной мифологии. Подобное явление наблюдается в западнобурятских версиях Гэсэриады, где наряду с исконными мифологическими божествами Эсэгэ Малаан баабай, Манзан Гүрмэ төөдэй фигурируют буддийские персонажи Будда Шакьямуни и лама. В некоторых текстах также наблюдается замещение общемонгольских божеств буддийскими в их функциях покровительства эпическому герою, наречения имени и благословения.

Таким образом, бурятская мифология, которая лежит в основе эпического творчества, складывается из шаманистических и заимствованных буддийских представлений. Буддийское влияние в бурятских улигерах, отражает самые общие представления людей о новой и незнакомой им религии.

Литература

1. Абай Гэсэр-Хубун: эпопея: (Эхирит-Булагат. вариант) / записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имегенова; подготовка текста, перевод и примечания М. П. Хомонова; вступительная статья А. Уланова. Улан-Удэ: Изд-во БКНИИ СО АН СССР, 1961. 231 с. Текст: непосредственный.
2. Буддизм в России = Buddhism in Russia: [Изд. к выставке в рамках культур. прог. саммита АТЭС–2012] / научный редактор Н. Жуковская. [Б. м.: б. и.], [2012]. 111 с. Текст: непосредственный.
3. Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос / перевод, вступительная статья и примечания Б. Я. Владимирцова. Петербург; Москва: Гос. изд., 1923. 254 с. Текст: непосредственный.
4. Владимирцов Б. Я. Буддизм в Тибете и Монголии. Петербург: Изд. отд. по делам музеев и охр. памятников искусства и старины, 1919. 52 с. Текст: непосредственный.
5. Жуковская Н. Л. Народные верования монголов и буддизм (о специфике монгольского ламаизма) // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1978. С. 24–36. Текст: непосредственный.
6. Ковалевский О. Буддийская космология. Казань: Типография Казан. ун-та, 1837. 177 с. Текст: непосредственный.
7. Михайлов Г. И. Мифы в исторических сочинениях XIII–XIX вв. монгольских народов // Фольклор и историческая этнография. Москва: Наука, 1983. С. 70–78. Текст: непосредственный.
8. Уланов А. И. К характеристике героического эпоса бурят. Улан-Удэ: Бурят.-Монг. кн. изд-во, 1957. 172 с. Текст: непосредственный.
9. Хомонов М. П. Варианты эпоса «Гэсэр» (как источники) // Гэсэриада: фольклор в современной культуре: сборник статей и материалов. Улан-Удэ: Наран, 1995. 134 с. Текст: непосредственный.
10. Цэрэнсодном Д. Истоки и своеобразие письменной поэзии монголов эпохи средневековья. Улан-Батор: «Год Бичиг» ХХК-д хэвлэл, 2017. 221 с. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 25.05.2021; одобрена после рецензирования 30.05.2021; принята к публикации 30.06.2021.

EMERGENCE OF ELEMENTS
OF BUDDHISM IN WESTERN BURYAT EPIC TRADITION

Erzhena B. Ayusheeva

Cand. Sci. (Phil.), Senior Researcher,

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS

6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia

erzhena1406@yandex.ru

Abstract. The article examines the peculiarities of the spread of Buddhism among the Buryats and its influence on epic creativity of the Western and Eastern ethnic groups. The activity of Tibetan Buddhists to promote the doctrine is characterized as the basis for its widespread dissemination among Mongolian nomads in the 17th and 18th centuries. It is concluded that the uligers of the Western Buryat tradition broadcast the ideas of “folk” Buddhism, which is the most elementary information about this religion.

Keywords: Buddhism; epic; motives; Western Buryat epic tradition; character.

For citation

Ayusheeva E. B. Emergence of elements of Buddhism in Western Buryat epic tradition. *Bulletin of Buryat State University. Philology.* 2021; 1: 71–76 (In Russ.).

The article was submitted 25.05.2021; approved after reviewing 30.05.2021; accepted for publication 30.06.2021.